

А. И. Иваницкий

ORCID: 0000-0001-6644-7401

✉ meisster@mail.ru

*Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)*

ПРОВИДЕНИЕ КАК ИСТОРИЯ В ПРОЗЕ КЛЕЙСТА (ОБ ОДНОМ ПУТИ К РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛЕ)

Аннотация. Новеллы Клейста характеризует калейдоскопическое чередование стран и эпох, в которые непреложно совершаются природные и (или) исторические потрясения. Герои, оказавшиеся в их эпицентре, интуитивно опознают в этих потрясениях вмешательство в их жизнь провидения, которому и начинают следовать. В повести «Михаэль Кольхаас» (1808/1810) страна и народ предстают эпически единым субъектом национальной истории, а содержанием исторических «возмущений» являются необратимые социальные перемены. Провидение, проявляющее себя как цепь случаев, становится символическим знаменем этих перемен. Такой ход действия превращает рассказчика-«хроникера» в одну из ипостасей фигуры автора. Автор, в отличие от рассказчика, способен угадывать не только сам факт вмешательства провидения в ход описываемых событий, но и его историческую подоплеку и диалектику. Вместе автор, рассказчик и пересказываемая ими «провиденциальная» история пролагают путь к реалистической новелле наступающего XIX в., освободившей социальную логику жизни и истории от «провиденциальной» оболочки.

Ключевые слова: провидение, рок, диалектика, история, народ, страна, социальное движение, новелла, рассказчик

Данная статья является расширенным и дополненным вариантом статьи [Иваницкий 2019].

Для цитирования: Иваницкий А. И. Провидение как история в прозе Клейста (об одном пути к реалистической новелле) // Шаги/Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 254–266. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-254-266>.

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2020 г.

Принято к печати 17 декабря 2021 г.

A. I. Ivanitskiy

ORCID: 0000-0001-6644-7401

✉ meisster@mail.ru

*Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

PROVIDENCE AS HISTORY IN KLEIST'S PROSE (ON A PATH TO THE REALISTIC NOVELLA)

Abstract. Heinrich von Kleist's novellas are characterized by a kaleidoscopic alternation of the lands and the eras, where and when over and over again take place natural and (or) historical disasters. The heroes of these novellas, who find themselves in the sphere of such disasters, intuitively perceive providential intervention in their life and follow it in their behavior. In the novella "Michael Kohlhaas" (1808/1810) the land and the folk show themselves as the epically unified subject of national history, and the basis of the historical disasters are the irreversible social transformations. As for Providence, which shows itself as a chain of incidents, it becomes the symbolic sign of these transformations. This makes the narrator a hypostasis of the author's figure. Unlike the narrator, this "author" can not only discern providential intervention in the described events but also can understand its historical underpinnings and dialectic. Together, the author, the narrator and "providential" history as their common subject are clearing the path to the realistic novella of the coming 19th century, when the social logic of life and of history was freed from the "providential" shell.

Keywords: Providence, fate, dialectic, history, folk, land, social movement, novella, narrator

This paper is the advanced variant of the paper [Ivanitskii 2019].

To cite this article: Ivanitskiy, A. I. (2022). Providence as history in Kleist's prose (On a path to the realistic novella). *Shagi / Steps*, 8(2), 254–266. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-254-266>.

Received November 28, 2020

Accepted December 17, 2021

В беллетристике Г. ф. Клейста многократно обнаруживали прямое преддверие реалистической новеллы XIX в. и прежде всего А. С. Пушкина¹. Так, отсутствие явной фантастики давало основания отграничить Клейста от малой прозы современного ему немецкого романтизма — по крайней мере, той его линии, которая заимствовала волшебство из национальной фольклорной прозы². Более весомым аргументом явилось то, что именно Клейст первым сконструировал в немецкой новелле образ повествователя: объективно-безличностного, с минимумом описаний и рассуждений и почти без субъективных оценок³. Предметом повествования стал имманентный жизненный ход, что позволяло читателю отграничить известное рассказчику от объективной картины событий — и, соответственно, домысливать последнюю. Это делает актуальным вопрос: что в сюжетно-смысловой эволюции стало механизмом «расслаивания» рассказчика и его «авторизации»?

При своем небольшом числе новеллы Клейста поражают калейдоскопическим чередованием стран и эпох, в которые непреложно совершаются природные и (или) исторические потрясения. В «Святой Цецилии, или Власти музыки» (*Die heilige Caecilie, oder Gewalt der Musik*, 1810) это Реформация в Германии XVI в. В «Михаэле Кольхаасе» (*Michael Kolchaas*, начатом в 1804 г. и принявшем окончательный облик в 1810 г.) — исходно заданное той же идеологией бюргерское восстание. Интригу «Найденыша» (*Der Findling*, 1811 г., изд. в 1812 г.) задает чума на Сицилии примерно в ту же эпоху. Завязку и трагический итог романа героев «Обручения в Сан-Доминго» (*Die Verlobung in San-Domingo*, 1811) определяет восстание рабов на французском Гаити в начале XIX в., а героев «Маркизы фон О.» (*Die Marquise von O...*, 1808) — современная гаитянскому восстанию война России с Наполеоном в Италии. Произошедшее в 1657 г. землетрясение в Чили в одноименной новелле (*Das Erdbeben in Chili*, 1807) спасает двух влюбленных, чтобы затем погубить.

В катастрофах, с которыми сталкиваются герои, они интуитивно угадывают провидение — безымянное, смутное в своих истоках, но достаточно ясное в своих смысле и морали, которую нужно принять и (или) которой нужно следовать⁴. Оно и заменило у Клейста «безусловную» волшебную фантастику. Это дало основания ряду исследователей связать новеллы Клейста с исторически предшествующим новелле средневековым жанром «экземпла» [Schneider 1985: 120–121; ср. Stierle 1985: 57–58], представляющим собою что-то вроде загадки, разгадка которой (вмешательство иномирных сил в земную жизнь) обнаруживалась в финальном моралите⁵. Возможно, именно благодаря этому преемству у Клейста в наивысшей мере проявился драматизм новеллы как таковой⁶.

¹ См., например: [Бент 1999]; ср. [Серебряков 2007; Белый 2009].

² См.: [Берковский 2001: 347]. О совпадениях/несовпадениях прозы Клейста с немецким романтистическим контекстом см., в частности: [Михайлов 2000]; ср. [Kreutzer 1989; Павлова 2014].

³ См.: [Мелетинский 1990: 163–164, 168].

⁴ См.: [Hamacher 1985: 153–155; 161–162]; ср. [Maurer 2001: 136].

⁵ См.: [Гуревич 1989: 7–9]. О характере чуда в прозе Клейста см., например: [Dutoit 1994: 47 и далее].

⁶ См.: [Мелетинский 1990: 74, 148].

Как уже говорилось выше, Клейст был далек от «фольклорно-националистической» линии немецкого романтизма. Его заменил куда более рационалистический идеал просвещенно-абсолютистской Пруссии Фридриха II (Великого), усвоенный писателем в семье потомственных военных. Отсюда проистекало неприятие Клейстом французской версии общественного договора, лишенного рыцарского и потому — национального духовного содержания⁷. Именно прусский национализм предопределил особую связь историзма и «провиденциализма» в художественном мышлении писателя.

Первой ступенью их сближения стал так называемый кантовский кризис на рубеже XVIII–XIX вв., когда утвержденную философом непознаваемость вещи юный Клейст осознал как роковую иррациональность действительности⁸. В свою очередь, разгром Пруссии Наполеоном в 1806 г. наделил эту иррациональность значениями парадоксального и исторического в своей основе провидения, чье внешнее проявление обратнo внутреннему смыслу. Высший промысел можно и нужно улавливать во внешне неприметных частных происшествиях. Неслучайно именно крах Пруссии побудил Клейста перейти от драм к новеллам, а наряду с ними — к хроникерской журналистике: изданию журнала «Берлинские вечерние листки» (*Berliner Abendblätter*, 1810–1811), где поиск неявных «знамений» воплотился в первую очередь в анекдотах, ставших не только идейной, но и морфологической основой для новелл⁹. По этой историко-провиденциальной логике прусская катастрофа предстала писателю парадоксальной ступенью и знаком ее грядущего триумфа, предреченного им в драме «Принц Гомбургский» (1809–1810) словами принцессы Натальи к ее приемному отцу, бранденбургскому курфюрсту Фридриху Вильгельму I:

Отечество <...>
на диво вширь распространится,
Украсится, окрепнет под рукой
Потомков, пышно, мощно, баснословно,
Друзьям на радость и на страх врагам...
(пер. Б. Л. Пастернака [Клейст 1969: 405])

Это позволяет видеть руслом движения Клейста-прозаика к повествовательному реализму смысловую эволюцию в его новеллах двух составляющих постоянно меняющихся хронотопов: топоса (страны) и истории как не просто смены времен, а необратимого развития этого топоса во времени, субъектом которого в конечном счете становится народ. Такая оптика позволяет и даже заставляет разделить новеллистику Клейста на четыре типа — не хронологически, а логически наследующих друг другу (с учетом того, что новеллы создавались практически одновременно).

⁷ См.: [Loch 1978: 70–74, 78].

⁸ См. подробнее: [Loch 1978: 63–64].

⁹ Об анекдоте, кратком сообщении об исключительном/парадоксальном происшествии как одном из жанровых источников новеллы см.: [Мелетинский 1990: 17–19]; ср. [Бент 2009: 73].

Первый тип составляют новеллы, в которых хронотопы — просто декоративные сцены провидения, разрешающего частные коллизии разных времен и народов и восстанавливающие «извечный» моральный (а отсюда и социальный) порядок вещей. В «Локарнской нищенке» (*Das Bettelweib von Locarno*, 1810) заглавная героиня, попросившая приюта в замке близ альпийского Локарно, по приказу вернувшегося хозяина-маркиза перебирается в угол комнаты за печку; по дороге она спотыкается, повреждает крестец и к утру умирает. Затем в течение нескольких лет погибшая нищенка является обитателям замка в виде привидения, под влиянием которого маркиз (косвенно виновный в ее гибели) сжигает себя вместе с замком.

В «Поединке» (*Der Zweikampf*, 1811) промысел-«арбитр» проявляет свое итоговое значение как бы «от противного». Якоб Рыжебородый, оспаривающий власть в средневековой Богемии у своего сводного брата, герцога Вильгельма Брайзахского, убивает его из засады, а в качестве «алиби» представляет кольцо знатной дамы, Литтегарды фон Ауэрштайн, благосклонности которой он прежде безуспешно добивался и с которой якобы провел ночь убийства. При этом лжесвидетельствует он «искренне»: камеристка Литтегарды и бывшая любовница Якоба попыталась вернуть его расположение, одевшись в платье своей хозяйки, похитив ее кольцо и в роковую ночь выдав ему себя за нее. Влюбленный в Литтегарду рыцарь Фридрих фон Трота берется защитить ее честь перед клеветником в судебном поединке. Тот заканчивается как будто бы победой Якоба, нанесшего фон Трота серьезную рану и принудившего того к сдаче. Однако с течением времени рана побежденного затягивается, а легкая царапина победителя, наоборот, приводит к смертельному недугу. Перед близким концом Якоб узнает, кто был с ним в роковую ночь, и публично признается как в невольной клевете, так и в намеренном убийстве. Таким образом, «ступенями» парадоксального действия провидения становятся любовный «маскарад», провоцирующий убийцу на «искреннюю» ложь; его мнимая победа в судебном поединке; смертельные для него итоги последнего; открытие убийцей правды о своей любовной ночи; его признание в преднамеренном убийстве и непреднамеренной клевете. Такое «ступенчатое» действие «Божьего Промысла» официально признается в финале судом в качестве правового прецедента:

...в статутах священного божественного поединка всюду, где высказывается предположение, что вина через него непосредственно обнаруживается, были вставлены слова: «Если такова воля Божия» [Немецкая романтическая повесть 1935 (2): 346] (переводчик не указан).

Ко второму типу можно отнести новеллы «Найденьш» и «Святая Цецилия...», где «консервативный» промысел проявляется, соответственно, в природных либо социальных катаклизмах. Героя «Найденьша», генуэзского купца Пьячи, промысел (опять-таки действующий постольку, поскольку осмыслется самим героем) побуждает последовательно увидеть один и тот же свой поступок благодеянием и грехом. Во время торговой поездки на Сицилию Пьячи оказывается в зачумленном городе, спасает умирающего сироту Николо и усыновляет его. Ребенок выздоравливает, но первой его жертвой оказы-

вается зараженный им и умерший родной сын Пьячи Паоло. Впоследствии усыновленный Николо предает своего благодетеля, пытается по образцу мольеровского Гартюфа сначала обольстить его молодую жену, а затем оболгать его самого в суде и завладеть его домом. Купец осознает, что чума — знамение нечистого, а приемыш — не жертва заразы, а ее исчадие. Он убивает Николо; на суде отказывается объяснить причину и идет на костер без покаяния, чтобы, попав в преисподнюю, завершить расправу над ее посланником и этим искупить свой прежний грех спасения его от чумы. Тем самым провидение является себя герою в форме рока (чумы и ее губительного посланца). А орудием провидения открывший его герой становится в парадоксальной, «отступнической» форме, следуя за грешником в его загробное логово.

«Святая Цецилия...» в ряду новелл Клейста наиболее близка жанру «экземпла». Монастырь в Аахене XVI в., обреченный на погром со стороны фанатиков-протестантов, спасается изумительным исполнением мессы, продирижированной престарелой монахиней и повергшей разорителей ниц перед соборным алтарем. К утру выясняется, что монахиня, виденная всеми в церкви, в это время лежала в горячке, от которой тем же вечером скончалась. Это открывает послушницам и читателю, что за дирижерским пультом была сама патронесса музыки святая Цецилия. При этом главные действующие лица — прибывшие из реформаторских Нидерландов четыре брата-погромщика — не просто остановлены мессой в своем святотатстве, но пожизненно обречены «блаженному» безумию: до конца дней они хором поют канон «Gloria in excelsis» (Слава в вышних Богу), однажды укротивший их «безумие».

Третий тип представляют «Землетрясение в Чили» и «Маркиза фон О.». В них движимый природными и (или) социальными катастрофами оксюморный «рок-промысел» уже не консервирует мир, а непоправимо меняет его — составляя новое содержание необратимого исторического развита, а не просто смены календарных времен.

«Землетрясение...», посвященное гибели Сантьяго в 1647 г., объединяет сюжетные мотивы «Найденьша» и «Святой Цецилии...» (природный и социальный катаклизм) причинно-следственной связью. Природная стихия провоцирует социальную — погромы, перерастающие в бунт против светской и религиозной власти (после того как вице-король погибает, обезумевшая от вседозволенности толпа разрушает дворец епископа и т. д.).

Если землетрясение как будто бы развенчивает католическую картину мира (через реминисцентно заданное антиклерикальное, просветительское восприятие Лиссабонского землетрясения 1755 г. в посвященной ему поэме Вольтера следующего, 1756-го), то вакханалия толпы дискредитирует основывавшуюся на том же Просвещении революцию 1789–1793 гг.¹⁰ Однако совместно они спасают и воссоединяют главных героев: монашку Хозефу, осужденную на публичную казнь за любовную связь в монастырских стенах, и ее возлюбленного Херонимо, готового из-за предстоящей казни любимой покончить с собой. Их прибежищем (как и прочих спасшихся) становится загородная долина, представляющая местом новообретенного «золотого века» в его руссоистской версии всеобщего братства. Однако благодарность Богу за спа-

¹⁰ См.: [Kittler 1985: 30]; ср. [Schneider 1985: 123–124].

сение вкупе с чувством невольной вины перед жертвами стихии, «оплатившими» их счастье своими жизнями, побуждает влюбленных вернуться в город, в единственную сохранившуюся городскую церковь. Там сразу после мессы над ними чинит самосуд толпа, под влиянием проповеди священника увидевшая в землетрясении Божью кару за греховную связь влюбленных. Тем самым землетрясение последовательно направляет толпу на разрушение традиционного порядка, основанного на католической морали, а затем — на его восстановление по образцу «прозревших» погромщиков в «Святой Цецилии...». Но здесь та же месса становится толчком к «искупительной» жертве.

Однако, в отличие от «Святой Цецилии...», в «Землетрясении...» действие цепи катаклизмов этим не завершается. Невероятным образом от расправы спасается младенец Филипп, плод незаконной любви растерзанных толпой беглецов. Жертвенной ценой его спасения оказывается убитый по ошибке Хуан, сын дон Фернандо, который тщетно пытался защитить Херонимо и Жозефу от толпы, а затем усыновил Филиппа. В заключительной фразе новеллы именно Фернандо осознает итоговый провиденциальный смысл происшедшего:

...когда дон Фернандо сравнивал Филиппа с Хуаном и думал о том, как он приобрел того и другого, ему почти казалось, что он должен радоваться тому, что случилось [Немецкая романтическая повесть 1935 (2): 238] (пер. Г. Рачинского).

Это зеркально противопоставляет «Землетрясение...» «Найденышу»: чужой ребенок, усыновленный ценой гибели своего, знаменует уже не искушение преисподней, а небесное благо — утверждающее принципиально новое духовное содержание жизни. Спасая Филиппа, родителей которого он сначала также спас, а затем погубил, провидение утверждает в «незаконном» ребенке новый духовный мир, где сводятся прежние моральные антигезы католицизма. Это освященный им порядок и жертвенно искупленная любовь — «беззаконная» с точки зрения этого порядка. Такой исторический скачок обуславливает моральную «эстафету» героев: различные стадии действия парадоксального «промысла» последовательно осознают Херонимо и Фернандо, перенимающие друг у друга «эстафету» жизненную.

«Маркиза фон О...» противостоит «Найденышу» по другому основанию: ее герой, русский граф Ф., в отличие от Пьячи осознает один и тот же поступок сначала чудовищным зло-, а затем благодеянием, сужденным свыше. Новелла обыгрывает сюжет из «Опытов» М. Монтеня: женитьба героя по факту на женщине, которой он овладел, когда та была в забытии, и сделал матерью его будущего ребенка. Ворвавшиеся в итальянскую крепость и распаленные битвой русские солдаты пытаются обесчестить заглавную героиню, вдовствующую дочь коменданта крепости, вдохновляя своего командира, графа Ф., на ее рыцарское спасение. Но затем страсть подчиненных превращает загоревшуюся в графе любовь к упавшей в обморок маркизе как спасенной Прекрасной Даме в такую же страсть. Эту метаморфозу косвенно проявляет шутка матери маркизы о том, что граф привык «завоевывать женские сердца приступом, как крепости» [Немецкая романтическая повесть 1935 (2): 190] (пер. Г. Рачинского). Важно, что и в рыцарском противостоянии своим солдатам, и в дальнейшем безотчетном осуществлении их умысла графом правит

атмосфера битвы, штурма и овладения, воплощенная в коллективном насилии вооруженной толпы — уже не наследующем стихии природной, а заменяющем ее. Это насилие и делает содержание войны подлинно историческим, т. е. необратимо меняющим мир.

Глубоко раскаиваясь в насилии над спасенной им «Прекрасной Дамой», граф ищет искупительной смерти в боях и едва не находит ее. Но смерть оказывается временной («посвятительной»), она направляет поправившегося и духовно воскресшего графа на новую встречу с забеременевшей (и не знающей, от кого) маркизой и побуждает его к признанию в насилии и сватовству к ней. Та вначале с гневом отвергает «рыцаря-насилыника» как «дьявола», который «при первом своем появлении (...) представился ей ангелом» [Немецкая романтическая повесть 1935 (2): 221] (пер. Г. Рачинского), но затем принимает, поскольку видит свою беременность «непорочной», а ребенка — «Божьим даром»¹¹.

Брак героев подтверждает их угадывание происшедшего с ними как той же «ступенчатой» диалектики промысла. «Первобытно-воинское» нападение на маркизу побудило графа к рыцарскому спасению «Прекрасной Дамы». Оно, однако, вернуло ему архаическое восприятие спасенной как воинского трофея, которое, в свою очередь, переводит «рыцарство» графа в новое качество — раскаяния и самоотреченного искупления вины¹². Это утвердившееся «от противного» новое качество рыцарства, очевидно, и выступает историческим содержанием духовной перемены мира.

Таким образом, движимые провидением в «Землетрясении в Чили» и «Маркизе фон О.» необратимые духовные перемены мира состоят в соединении антитез: религиозной морали и «беззаконной» любви.

Четвертый тип единолично воплощает драматическая повесть «Михаэль Кольхаас». Здесь страна и народ впервые образуют эпическое единство. Народ становится субъектом истории, а необратимые социальные перемены — следствием его исторического «возмущения». Они и получают символическую маркировку «высшего промысла». Как патриот Пруссии, Клейст видел «осевым» немцам временем не «высокое Средневековье», а Реформацию XVI в.¹³, когда сформировавшееся бюргерство духовно объединяло Германию на новой, лютеранской основе. В «Михаэле Кольхаасе» оно воплощено в судьбе заглавного героя, конного барышника, поднявшего бунт за свои права против феодального произвола (его коней, несправедливо задержанных в замке юнкера фон Тронка, едва не заморили на хозяйственных работах).

Внешне в основу рока ложатся несчастные стечения обстоятельств, в тех или иных словах упоминаемые рассказчиком в связи с каждым событием

¹¹ Это высвечивается возможной испанской католической символикой буквы *O*, которой зашифровано имя маркизы: «Madonna de la O» или «Maria de la O» означает «Мария в благой надежде». См. подробнее: [Huff 1982: 369–374].

¹² Этим граф «разворачивает» моральный путь антигероя «Поединка». Свою «беззаконную» любовь он осознает не адским соблазном, а ступенью рыцарского служения. О французском (подспудно «куртуазном») контексте говорит и французский титул маркизы, а не немецкой маркграфини. В то же время приснившийся графу лебедь проявляет «синкретику» его чувств: символизируя чистоту, он тем не менее отчетливо отсылает к фигуре Зевса, в обличье лебедя овладевшего Ледой.

¹³ См. об этом, например: [Gaderer 2011: 537–539].

в жизни героя: «на беду», «как на грех» и т. п. Такие повторяющиеся случаи постоянно осознаются самим Кольхаасом как проклятие его жизни: «...от знаковых советников [он] получил подтверждение того, о чем ему сказало сердце»; ср.: «Кольхаас весь месяц томился недобрыми предчувствиями — и как в воду глядел...» и т. п. [Клейст 1969: 442–443, 452].

Между тем случай всякий раз осуществляет наибольшую социальную вероятность, вытекающую из сословного неравенства в феодальной Саксонии. Невыспавшийся кастелян юнкера фон Тронка требует от Кольхааса пропуск на проезд в Дрезден. «Как на грех», сам юнкер в момент прихода к нему Кольхааса бражничал с друзьями, что и побудило его поддержать произвол слуги, а не правоту барышника. Конюх Херзе, оставленный Кольхаасом при конях у Тронка, был избит и выдворен слугами за отказ отпустить их в работу на угодьях кастеляна. Иск Кольхааса о замороженных лошадях отклоняется судьями, состоящими в родстве с Тронка. Супругу Кольхааса Лисбет, привезшую прошение мужа в Шверин и пытающуюся использовать прошлое сватовство к ней кастеляна Шверинского замка, стражник смертельно ранит копьем. Бывший соратник Кольхааса Нагельшмидт, изгнанный им за мародерство незадолго до роспуска шайки, собирает ее заново и возобновляет разбой от имени Кольхааса, сидящего под домашним арестом.

Именно эта социальная логика, последовательно проявляющая себя в якобы роковых случаях, меняет позицию и поведение Кольхааса. Исходно он сосредоточен на судебной тяжбе, но гибель жены толкает его к мстительному бунту, который по собственной логике превращается в разбой как таковой.

Алогичное средневековое правосудие, возвращающее Кольхаасу его откормленных коней, но казнящее за поднятый мятеж, знаменует исторический тупик феодального общества и права. Это задает новое, национально-историческое значение «промысла», переводящее германский мир в Новое время. Пророчество о нем, сделанное цыганкой-ворожеей и случайно попавшее к Кольхаасу, предвещает закат погубившей героя феодальной Саксонии и триумф Бранденбурга — будущей лютеранской просвещенно-абсолютистской Пруссии, — по сути, перелагая в прозу упомянутое выше пророчество в «Принце Гомбургском»:

Твоя милость долго будет править, и долго будет властвовать дом, из коего ты производишь, и потомки твои будут жить во славе <...> и станут могущественнее всех царей земных! [Клейст 1969: 494] (пер. Н. Ман)¹⁴.

Косвенно адресуя это пророчество современным читателям, Клейст имеет в виду, что прусский примат общенационального (внесловного) патриотизма положит конец феодально-бюргерскому противостоянию¹⁵.

Тем самым впервые у Клейста разводятся рок как маска разрушительной социальной статистики и PROVIDENCE как знак сменяющей ее исторической

¹⁴ Показательно, что третья, заключительная часть «Михаэля Кольхааса» писалась Клейстом в 1810 г., практически одновременно с «Принцем Гомбургским».

¹⁵ Об исторической перспективе, открываемой прорицанием цыганки, см.: [Koch 1958: 278–280]; ср. [Wichmann 1988: 187].

динамик¹⁶. Это ведет к схожему с «Землетрясением...» преемству жизненных миссий, становящемуся теперь историческим: от Кольхааса — к бранденбургскому курфюрсту. Последний сознает историзм происходящего и «жертвенную необходимость» правового / бунтарского пути Кольхааса, призванного «исчерпать» феодальное правосудие, чтобы дать возможность Бранденбургу исторически упразднить его. Поэтому курфюрст, подобно Фернандо, берет патронаж над детьми казнимого им же барышника, видя в них залог осуществления предначертанной историей. Историзм действия и его морально-поведенческого осознания превращает новеллу в драматическую повесть.

* * *

Как видим, механизмом движения новеллы Клейста к реализму стал как будто бы противостоящий ему концепт провидения. Выступая в программных вещах писателя содержанием необратимой духовной истории мира, в итоговом по сути «Михаэле Кольхаасе» оно становится знаком истории социальной. Такая эволюция провидения «расслаивает» рассказчика и автора, способного не только угадать высшее вмешательство, но последовательно увидеть его диалектику и меняющиеся отношения с реальностью. Этим Клейст, очевидно, и проложил один из путей к новеллистическому реализму наступающего XIX в., освободившему социальную логику жизни и истории от «провиденциальной» оболочки¹⁷.

Источники

Клейст 1969 — *Клейст Г. ф.* Драмы. Новеллы / Пер. с нем. М.: Худ. лит., 1969.
Немецкая романтическая повесть 1935 — *Немецкая романтическая повесть: В 2 т. / Под общ. ред. М. Лифшица.* М.; Л.: Academia, 1935.

Литература

Бент 1999 — *Бент М. И.* А. С. Пушкин и Г. фон Клейст: шесть фрагментов к сравнительной истории литературы // Вестник Челябинского университета. Сер. Филология. 1999 № 1. С. 69–79.
Белый 2009 — *Белый Ал.* О Пушкине, Клейсте и недописанном «Дубровском» // Новый мир. 2009. № 11. С. 160–174.
Берковский 2001 — *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-Классика, 2001.
Гуревич 1989 — *Гуревич А. Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М.: Искусство, 1989.
Иваницкий 2019 — *Иваницкий А. И.* Локальные хронотопы в прозе Генриха фон Клейста — сцены промысла, рока и истории // Восток — Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: Сб. науч. ст. к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга / Отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Науч. изд-во ВГСПУ «Перемена», 2019. С. 350–357.
Мелетинский 1990 — *Мелетинский Е. М.* Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990.

¹⁶ См. об этом, в частности: [Иваницкий 2019: 350–357].

¹⁷ О поэтических механизмах разграничения рассказчика и автора у Клейста см.: [Мелетинский 1990: 163–164, 168, 170]; ср. [Берковский 2001: 407–408; Stephens 1999: 291].

- Михайлов 2000 — Михайлов А. В. Вводная часть доклада «Генрих фон Клейст и проблемы романтизма» // Михайлов А. В. Обратный перевод. Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 34–45.
- Павлова 2014 — Павлова Н. С. Ни классик, ни романтик: Генрих фон Клейст и его стиль // История немецкой литературы. Новое и новейшее время / Под ред. Е. Е. Дмитриевой (отв. ред.), А. В. Маркина, Н. С. Павловой. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2014. С. 463–474.
- Серебряков 2007 — Серебряков А. А. Дискурсивные стратегии в новелле Генриха фон Клейста «Михаэль Кольхаас» // Пушкинские чтения-2007: Материалы XII междунар. науч. конф. «Пушкинские чтения» (6–7 июня 2007 г.) / Под общ. ред. В. Н. Скворцова; Отв. ред. Т. В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. С. 371–378.
- Dutoit 1994 — Dutoit Th. (1994). Rape, Crypt and Fantasm: Kleist's "Marquise of O..." // Mosaic. Vol. 27. No. 3. 1994. P. 45–64.
- Gaderer 2011 — Gaderer R. "Michael Kohlhaas" (1808/10): Schriftverkehr — Bürokratie — Querulanz // Zeitschrift für deutsche Philologie. Bd. 130. Ausg. 4. S. 531–544.
- Hamacher 1985 — Hamacher W. Das Beben der Darstellung // Positionen der Literaturwissenschaft: Acht Modellanalysen am Beispiel von Kleist "Das Erdbeben in Chili" / Hrsg. von D. E. Wellbery. München: Beck, 1985. S. 149–173.
- Huff 1982 — Huff St. Kleist and expectant virgins: The meaning of 'O' in "Die Marquise von O..." // Journal of English and Germanic Philology. Vol. 81. No. 3. 1982. P. 367–375.
- Kittler, Fr. (1985). Ein Erdbeben in Chili und Preussen // Positionen der Literaturwissenschaft: Acht Modellanalysen am Beispiel von Kleist "Das Erdbeben in Chili" / Hrsg. von D. E. Wellbery. München: Beck, 1985. S. 24–38.
- Koch 1958 — Koch F. Heinrich von Kleist. Bewusstsein und Wirklichkeit. Stuttgart: J. B. Metzler, 1958.
- Kreutzer 1989 — Kreutzer H. J. "...aber niemand bedarf ihrer..." Hölderlin, Kleist, Arminius und die Zeitgeschichte // Hoelderlin-Jahrbuch. 1988–1989 / Hrsg. von B. Böschstein, G. Kurz. Tübingen: C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1989. S. 60–73. (In German).
- Loch 1978 — Loch R. Heinrich von Kleist: Leben und Werk. Leipzig: Reclam, 1978.
- Maurer 2001 — Maurer K.-H. Gerechtigkeit zwischen Differenz und Identität in Heinrich von Kleists "Michael Kohlhaas" // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaften und Geistesgeschichte. Bd. 75. Ausg. 1. 2001. S. 123–144.
- Schneider 1985 — Schneider H. J. Der Zusammensturz des Allgemeinen // Positionen der Literaturwissenschaft: Acht Modellanalysen am Beispiel von Kleists "Das Erdbeben in Chili" / Hrsg. von D. E. Wellbery. München: Beck, 1985. S. 110–129.
- Stephens 1999 — Stephens A. Kleist — Sprache und Gewalt. Freiburg im Breisgau: Rombach, 1999.
- Stierle 1985 — Stierle K.-H. Das Beben des Bewusstseins / Die narrative Struktur von Kleists 'Das Erdbeben in Chili' // Positionen der Literaturwissenschaft: Acht Modellanalysen am Beispiel von Kleist "Das Erdbeben in Chili" / Hrsg. von D. E. Wellbery. München: Beck, 1985. S. 54–68.
- Wichmann 1988 — Wichmann Th. Heinrich von Kleist. Stuttgart: J. B. Metzler, 1988.

References

- Belyi, Al. (2009). O Pushkine, Kleiste i nedopisannom "Dubrovskom" [About Pushkin, Kleist and unfinished "Dubrovskii"]. *Novyi mir*, 2009(11), 160–174. (In Russian).
- Bent, M. I. (1999). A. S. Pushkin i G. fon Kleist: shest' fragmentov k sravnitel'noi istorii literatury [Pushkin and H. von Kleist: Six fragments for a comparative history of the literature]. *Vestnik Cheljabinskogo universiteta, Ser. Filologiya*, 1999(1), 69–79. (In Russian).

- Berkovskii, N. Ia. (2001). *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Azbuka-Klassika. (In Russian).
- Dutoit, Th. (1994). Rape, Crypt and Fantasm: Kleist's "Marquise of O...". *Mosaic*, 27(3), 45–64.
- Gaderer, R. (2011). "Michael Kohlhaas" (1808/10): Schriftverkehr — Bürokratie -- Querulanz. *Zeitschrift für deutsche Philologie*, 130(4), 531–544. (In German).
- Gurevich, A. Ia. (1989). *Kul'tura i obshchestvo srednevekovoi Evropy glazami sovremennikov (Exempla XIII veka)* [The culture and the society of Medieval Europe in the contemporaries perception]. Iskusstvo. (In Russian).
- Hamacher, W. (1985). Das Beben der Darstellung. In D. E. Wellbery (Ed.). *Positionen der Literaturwissenschaft: Acht Modellanalysen am Beispiel von Kleist "Das Erdbeben in Chili"* (pp. 149–173). Beck. (In German).
- Huff, St. (1982). Kleist and expectant virgins: The meaning of 'O' in "Die Marquise von O...". *Journal of English and Germanic Philology*, 81(3), 367–375.
- Ivanitskii, A. I. (2019). Lokal'nye khronotopy v proze Genrikha fon Kleista — stseny promysla, roka i istorii [Local chronotopes in Heinrich von Kleist's prose as scenes of providence, fate and history]. In N. E. Tropkina (Ed.). *Vostok — Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klоре: Sbornik nauchnykh statei k 70-letiiu professora A. Kh. Gol'denberga* (pp. 350–357). Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU "Peremena". (In Russian).
- Kittler, Fr. (1985). Ein Erdbeben in Chili und Preussen. In D. E. Wellbery (Ed.). *Positionen der Literaturwissenschaft: Acht Modellanalysen am Beispiel von Kleist "Das Erdbeben in Chili"* (pp. 24–38). Beck. (In German).
- Koch, F. (1958). *Heinrich von Kleist. Bewusstsein und Wirklichkeit*. J. B. Metzler. (In German).
- Kreutzer, H. J. (1989). "...aber niemand bedarf ihrer..." Hölderlin, Kleist, Arminius und die Zeitgeschichte. In B. Böschstein, & G. Kurz (Eds.). *Hoelderlin-Jahrbuch, 1988–1989*, 60–73. J. C. B. Mohr (Paul Siebeck). (In German).
- Loch, R. (1978). *Heinrich von Kleist: Leben und Werk*. Reclam. (In German).
- Maurer, K.-H. (2001). Gerechtigkeit zwischen Differenz und Identität in Heinrich von Kleists "Michael Kohlhaas". *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaften und Geistesgeschichte*, 75(1), 123–144. (In German).
- Meletinskii, E. M. (1990). *Istoricheskaia poetika novelly* [The historical poetics of the novella]. Nauka. (In Russian).
- Mikhailov, A. V. (2000). Vvodnaia chast' doklada "Genrikh fon Kleist i problemy romantizma" [The introductory part of the report "Heinrich von Kleist and the Problems of Romanticism"]. In A. V. Mikhailov. *Obratnyi perevod. Russkaia i zapadnoevropeiskaia kul'tura: problemy vzaimosviazei* (pp. 34–45). Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).
- Pavlova, N. S. (2014). Ni klassik, ni romantik: Genrikh fon Kleist i ego stil' [Neither Classic nor Romantic: Heinrich von Kleist and his style]. In E. E. Dmitrieva, A. V. Markina, & N. S. Pavlova (Eds.). *Istoriia nemetskoj literatury. Novoe i noveishee vremia* (pp. 463–474). Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. (In Russian).
- Schneider, H. J. (1985). Der Zusammensturz des Allgemeinen. In D. E. Wellbery (Ed.). *Positionen der Literaturwissenschaft: Acht Modellanalysen am Beispiel von Kleists "Das Erdbeben in Chili"* (pp. 110–129). Beck. (In German).
- Serebriakov, A. A. (2007). Diskursivnye strategii v novelle Genrikha fon Kleista "Mikhael' Kol'khaas" [Discursive strategies in Heinrich von Kleist's novella "Michael Kohlhaas"]. In V. N. Skvortsov, & T. C. Mal'tseva (Eds.). *Pushkinskie chteniia-2007: Materialy XII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Pushkinskie chteniia" (6–7 iunია 2007 g)* (pp. 371–378). LGU imeni A. S. Pushkina. (In Russian).
- Stephens, A. (1999). *Kleist — Sprache und Gewalt*. Rombach, 1999. (In German).

Stierle, K.-H. (1985). Das Beben des Bewusstseins / Die narrative Struktur von Kleists 'Das Erdbeben in Chili'. In D. E. Wellbery (Ed.). *Positionen der Literaturwissenschaft: Acht Modellanalysen am Beispiel von Kleist "Das Erdbeben in Chili"* (pp. 54–68). Beck. (In German).

Wichmann, Th. (1988). *Heinrich von Kleist*. J. B. Metzler. (In German).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Александр Ильич Иваницкий

*доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник, Институт
высших гуманитарных исследований,
Российский государственный
гуманитарный университета
Россия, 125047, ГСП-3, Москва, Миусская
пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-61-18
✉ meisster@mail.ru*

Alexander I. Ivanitskiy

*Dr. Sci. (Philology)
Leading Researcher, Institute for Higher
Humanitarian Studies, Russian State
University for the Humanities
Russia, 125047, GSP-3, Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-61-18
✉ meisster@mail.ru*